

Г. ДЖЕЙМС

ИВАН ТУРГЕНЕВ

(1818—1883)

По-видимому, не найдется другого иностранного автора, который бы столь органично, как Тургенев, вошел, по мнению англоязычного читателя, в канон Всемирной литературы. Так случилось вовсе не потому, что он старался понравиться иностранцам, поступался своей авторской независимостью или хотя бы помышлял об этом, а потому, что само своеобразие подобного гения принесло ему еще при жизни особое уважение у иностранной публики. В этом отношении его позиция уникальна: наряду с прочим именно русский аромат его прозы помог ему обрести признание.

Родился Тургенев в 1818 году в городе Орле, в самом сердце России, а умер в 1883 году в Буживале, неподалеку от Парижа, проведя большую часть жизни в Германии и Франции, чем вызвал у себя на родине осуждение, которое склонны выносить отсутствующему,—своего рода плата за предполагаемые путешествия и развлечения за границей. Принадлежа к сословию крупных помещиков и обладая значительным состоянием, он являл собой редкий пример писателя, для которого вопрос доходности литературного промысла был абсолютно неважен, это роднило его с Толстым, его прославленным современником, в других отношениях совсем на него непохожим. Чтобы представить исключительность его ситуации, вообразим себе крупного плантатора, скажем, из Вирджинии или Каролины, исповедующего «северные» принципы и становящегося (не только в силу вышеизложенного, но главным образом благодаря выдающемуся дарованию) крупным американским писателем, одним из величайших писателей мира. Рожденный при despотическом социальном и политическом строе, Тургенев всем своим сердцем, всеми своими нравственными устремлениями был на либеральной стороне; это имело свои последствия еще в юности, после его пребывания в немецком университете, когда он, позволив себе неосторожно пошутить на людях, вызвал подозрения в высоких кругах и был осужден на временную ссылку—жительство в своем имении. Возможно, это помогло собрать материал для книги, с которой начинается его слава,—«Записок охотника», вышедшей в двух томах в 1852 году. Часто говорят, что это замечательное собрание зарисовок простой деревенской жизни времен крепостничества имело такое же непосредственное отношение к великому декрету Александра II, как знаменитый роман Бичер Стоу—к освобождению негров. Во

всяком случае, бесспорно, что сельские очерки Тургенева появились, как и «Хижина дяди Тома», в нужный момент, с тем лишь исключением, что поначалу они не вызвали большого интереса — пример искусства слишком тонкого, чтобы быть тут же понятым, искусства, затрагивающего скорее глубины, нежели поверхность явлений.

Писателю достаточно скоро стало ясно, что такого рода влияние можно с тем же успехом осуществлять издалека: он путешествовал, жил за границей, в начале 60-х годов обосновался в Германии, приобрел недвижимость в Баден-Бадене и жил там в последние годы расцвета этого города, конец преуспеванию которого положила франко-прусская война. После войны он связал свою судьбу с потерпевшей стороной, выстроил дом в Париже и, если не считать кратких отлучек, провел там в очаровательной вилле на берегу Сены, недалеко от Парижа, остаток своих дней. Его дружеские связи и привязанности в мире искусства и литературы были многочисленны и изысканны, он никогда не женился, неторопливо занимаясь все эти годы творчеством — именно тогда утвердилась его европейская, как принято говорить, слава, хотя в Соединенных Штатах публика, возможно, оказалась эстетически более чутка.

Тем временем Толстой, который был моложе его на десять лет, достиг своей творческой зрелости, хотя «Война и мир» и «Анна Каренина» принесли их автору всемирную славу после смерти Тургенева. Одним из последних дел, которые предпринял, будучи уже на смертном одре, старший писатель, было послание Толстому (отношения с которым за последние годы у него разладились в связи с некоторыми обстоятельствами, о которых нет нужды упоминать), где он призывал того вернуться к своему труду гения, от которого Толстой к тому времени столь прискорбно и безжалостно отрекся.

«Я на смертном одре. Выздороветь я не могу — и думать об этом нечего. Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником, и чтобы выразить Вам мою последнюю, искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности. Ведь этот дар Вам оттуда же, откуда все другое. Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что просьба моя так на Вас действует!! Друг мой, великий писатель Русской земли, — внемлите моей просьбе!»

Эти слова, одни из самых трогательных, без сомнения, с которыми когда-либо обращался один носитель великого духа к другому, проливают косвенный (хотя я бы предпочел сказать — прямой) свет на природу и характер художественного темперамента Тургенева. Это до такой степени так, что жаль, я лишен возможности, сознавая все несходство темпераментов этих двух писателей, использовать его для характеристики Тургенева. Было бы упрощением сказать, что Толстой писал, с точки зрения русских, для отечественного потребления, а Тургенев — для иностранцев: «Войну и мир» в Европе и Америке читали, возможно, больше, чем «Дворянское гнездо», «Накануне» или «Дым», но это отнюдь не противоречит моему утверждению, что автор последних трех книг — популярнейший в западном мире писатель. Я бы

назвал Тургенева в определенном смысле писателем для писателей — с художественным влиянием чрезвычайно полезным и глубоким. Чтение книг Толстого, разворачивающихся перед нами, как сама жизнь, — событие значительное, переживание волнующее для каждого из нас, и все же с его именем не связано представление о вечно чарующем обаянии писательского мастерства, о спокойной неотразимости описаний, которые сияют, освещая нам путь, в произведениях его предшественника. Толстого можно сравнить с необъятным озером, в котором отражается мир, с колоссом, впряженным в упряжку, в которой седок — сама жизнь, он что-то вроде слона, которого заставили тащить за собой не карету, а целый каретный сарай. Сам он справляется со своим делом успешно, но для других такой путь — катастрофа; если ученики не слоновьей природы, то он лишь сбьет их с пути и погубит.

Постепенно, в течение тридцати лет, Тургенев — твердо, неторопливо, с перерывами и выжиданиями — закладывает основы своего четкого творческого кредо. Первое, что отмечаешь в его произведениях, — это их выразительность, то, к чему писатель постоянно стремился (что бросается в глаза, даже когда он многословен) и чего он так часто достигал с поразительным блеском. У него есть шедевры всего в несколько страниц, самые совершенные его вещи подчас самые краткие. Множество его коротких рассказов, эпизодов как будто отхвачены ножницами Атропос, но многих из них мы не знаем, так как зависим (в связи с малочисленностью у нас лиц, читающих по-русски) от французских и немецких версий, являющихся вместо оригинального текста источником для перевода. Переводы романов и «Записок охотника» собраны в девятитомном издании м-с Гарнет*. Здесь мы, на наш взгляд, встречаемся с удивительной стороной творческой судьбы писателя, а именно с его редким даром пробуждать интимные чувства даже у тех людей, которые не могут наслаждаться языком его произведений, для которых вопрос стиля практически просто не существует. Оставляя в стороне посторонние соображения, скажем: этого писателя невозможно читать, не проникаясь уверенностью, что на своем родном языке он является ярким примером художника, открывающего нам щедростью своего таланта торжествующую истину единства содержания и формы, этих неизбежных сторон одной медали. Одним словом — примером художника, чье творчество самим своим существованием отвергает избитое утверждение, что предмет и стиль, как эстетические категории и как практические данности, — вещи различные и изолированные. Мы сознаем, читая Тургенева не на родном его языке, что не получаем представления о его собственном индивидуальном почерке.

Но свидетельством тому, что автор постоянно присутствует в своих творениях, является особенное обаяние его прозы, улавливаемое нами, то, что обращенная к нам маска, хотя и лишенная его собственного выражения, все же прекрасна. Эта красота (раз уж мы пытаемся формулировать) есть род совершенного воплощения обыденного. Его писательский удел — это мир чувств и характеров, мир отношений, которые жизнь порождает ежечасно

и повсюду: в целом он редко обращался к чуду случайности, к мгновениям на острие времени и пространства, его вотчина — это грандиозная область страсти и побуждения, привычного, неизбежного и сокровенного — сокровенного в счастье и в горе. Ни одна из избранных им тем не кажется нам исчерпывающей, и, однако, мы ощущаем, что жизненность их заключена внутри, а не достигается извне с помощью всяческих приемов, наподобие колюющих предметов, издавна применявшихся в конных скачках на римских карнавалах, чтобы заставить животных бежать. В рассказанных им историях нет ни малейшего намека на «завлекательный» сюжет, они, так же как и изображенная в них ситуация, развиваются как сама жизнь. Его первая книга от начала до конца свидетельствовала о том, что мы определили бы как самое чарующее в нем: простейшие, житейские вещи он окутывает утонченной дымкой поэзии. Именно так ведет он свой рассказ, насыщенный отголосками и свидетельствами нужды и бедствия; во всем — рок, безумие и жальство, и восторг, и красота. Лиризм «Записок охотника», их юмор, неистощимость поиска открыли миру наблюдателя, наделенного редким даром воображения. Качества эти в равной мере относились и к малым вещам, и к большим: нищета, благочестие, простота, терпение крепостного крестьянина соседствовали с естественным величием жизни земли, воздуха, зимы, лета, полей и лесов; там присутствовали тени его эксцентрических сельских соседей, странных местных чудаков, находили место стародавние обычаи и предрассудки, подслушанные тайны, выхваченные из жизни, впечатления, почерпнутые из долгого тесного контакта природы и человека, охваченного охотничьей страстью. Великолепно сложенный, наделенный большой природной силой, Тургенев с его любовью к охоте или, скорее, благодаря вдохновению, которое он черпал в ней, мог бы служить для художника моделью могучего охотника, если бы такой образ не расходился столь категорически с его обычной мягкостью — той кротостью, которая часто бывает у людей, знающих о своих необычайных физических данных. Он, скорее, являл собой модель сильного человека в момент отдыха: массивный, на голову выше остальных, он улыбался почти по-детски, а в голосе его звучало простодушие. Еще больше контрастировало с этим могучим обликом его творчество, в котором было так много нежности, волшебства, проникновенности и емкости.

Если я назову, в порядке написания, такие произведения, как «Рудин», «Отцы и дети», «Вешние воды» и «Новь», в добавление к трем вышеназванным романам, то они-то и будут краеугольным камнем величественного памятника его труду с прочным фундаментом, без каких-либо пустот. Список его небольших произведений слишком длинен, чтобы приводить его полностью, назову лишь несколько особенно впечатляющих: «Переписка», «Постоялый двор», «Бригадир», «Собака», «Жид», «Призраки», «Муму», «Три встречи», «Первая любовь», «Несчастные», «Ася», «Дневник лишнего человека», «История лейтенанта Ергунова», «Степной король Лир». Трудно выделить какой-либо из его романов, обычно предпочтение отдается «Дворянскому гнезду» или «Отцам и детям». Я лично склоняюсь к изумительному «Накануне», отлично

понимая, что в перечне таких блестящих произведений «быть изумительным» не означает полное первенство. Пожалуй, только самое длинное из его произведений, «Новь», напечатанное незадолго до смерти писателя, не может выдержать сравнения с другими романами: хотя в нем тоже рассыпано множество красот, все-таки он второсортен.

Во всех этих произведениях мы неизбежно встречаемся с одним и тем же — характером, выявленным и художественно осмысленным. Знание характера было у Тургенева тем маяком, который направлял его как художника, и можно дать о нем общее представление, сказав, что, даже используя этот дар забавы ради, он достигал значительного драматического эффекта. Ни у одного писателя не было такого острого глаза и умения с такой иронией и одновременно лиризмом создать индивидуальный портрет. Он видел своего героя во всех его минутных настроениях и особенностях — видел наследственные черты склада его личности, его особенные проявления слабости и силы, уродства и красоты, чудачества и обаяния, умея при этом выделить в этом безбрежном жизненном потоке нечто характерное для личности во всем многообразии ее отношений и контактов — личность, либо борющуюся, либо безвольно плывущую по течению — пылинка, уносимая водами. Это ему дает, при всей непрятательности такого метода, особый охват, берегает его редкий дар выявления индивидуального от сухости, схематизма, от опасности впасть в карикатуру. Он понимает столь многое, что мы удивляемся, как ему удается все это описать; и действительно, его изобразительные средства — это абстрактная проекция, картина, где ничто не объяснено и все заключено в себе. Он настолько человечен, что можно только удивляться, как ему удается так умело владеть ситуацией, а чувство сострадания в нем столь глубоко и всеобъемлюще, что свойственное ему любопытство просто необъяснимо. В его произведениях постоянно присутствует поэзия, но это отнюдь не делает изображенную в них реальность менее достоверной. У него есть редкий дар прирожденного романиста, обладающего неиссякаемой свободой и жизнеспособностью, наделять вызванные им к жизни характеры абсолютной автономностью, а также бесспорное преимущество перед второсортными беллетристами с их странной манерой представлять и объяснять своих героев при помощи осуждения или одобрения, предпочитающих идти кратчайшим путем, предвосхищая эмоции и суждения, которые могли бы возникнуть об их героях не у самого вдумчивого читателя. И все же его система, которую можно было бы определить как детализированное описание, с ее ясностью имеет неоспоримое преимущество перед работой менее зрелого моралиста.

Характеры — его конек, но я должен тут же оговориться, что они отнюдь не являются синонимами, в нашем западном представлении, решительности и преуспевания. Его герой — оторванный от жизни, почти беспомощный, недальновидный одиночка. Его обреченному на провал борьбу за успех писатель изображал с таким блеском. Автора занимает преимущественно проблема воли, в своих размышлениях он имеет в виду пресловутую печальную фигуру, которая, видимо, встречается в основном среди его

соотечественников. Он намекает нам, что не раз наблюдал крах таких людей, видя источник их общей трагедии в отчаянном авантюризме, с которым те впутываются в самые рискованные предприятия, приводящие их к неизбежным разоблачению и поражению. Но если мужские персонажи в целом именно таковы, то женские компенсируют их слабости; большинство его героинь изумительно сильные личности и подчас, можно прибавить, даже вызывают восхищение. Это справедливо в отношении большого числа женских персонажей — молодых женщин, девушек, особенно «героинь»; по своей удивительной нравственной красоте, тончайшей отделке души они образуют в современном романе поразительнейшую группу. Они героини до кончика мизинца, их героизм скромен и непараден, лишь они, кажется, сохранили в себе энергию решать и действовать. Елена, Лиза, Татьяна, Джемма, Марианна — можно продолжить этот список, оживив в памяти их образы, но у меня недостанет места назвать их всех. Они кажутся нам живыми благодаря тем изумительным нежнейшим мазкам, которые есть во всех произведениях Тургенева, с помощью которых он убеждает и покоряет нас.

Сам он видел главную свою опасность в приверженности к детали, слабости композиции, ему недоставало дара совмещения различных впечатлений. Но ни один из романистов не был столь точен и последователен, ни в одном из них величие не рождалось из истины, не ограниченной ничем, кроме предмета изображения и самой идеи. Эта идея, этот предмет — вспышка, высеченная из скрещения сокровеннейших вещей, — всегда вызывают жгучий интерес как нераспечатанная телеграмма. Плодотворная свобода, с которой он — при всей своей исключительной деликатности — обращался со святая святых нашего внутреннего мира, мира тончайших побуждений, несет в себе то, что можно кратко назвать благородной незаинтересованностью; отсутствие этого свойства в его соперниках приводит к тому, что они пытаются привлечь наше внимание вульгарными приемами к вульгарным проблемам.